

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

СТЕПАНОВА  
АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВНА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗАМЕН В  
КАРЕЛЬСКИХ ПРИЧИТАНИЯХ

Ю.ОГ.09. фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ  
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ  
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ  
НАУК

Москва  
1980

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР

Научный руководитель – доктор филологических наук,  
старший научный сотрудник  
Б.Н.ПУТИЛОВ

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор – К.В.ЧИСТОВ  
кандидат филологических наук – Н.И.САВУШКИНА

Ведущая организация – Сыктывкарский государственный университет им. 50-летия СССР (кафедра коми литературы и языка).

Защита состоится " " 1980 г. в ча-  
сов на заседании специализированного совета Д 002.44.02.  
по филологическим наукам IO.OI.O3 ("Литература народов  
СССР") и IO.OI.O9 ("Фольклористика") при Институте миро-  
вой литературы им. А.М.Горького АН СССР (Москва, ул. Воров-  
ского, 25а).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке  
Института мировой литературы им. А.М.Горького.

Автореферат разослан "11" февраля 1980 г.

Ученый секретарь специализированного совета  
кандидат филологических наук

Н.К.СУЛТАНОВ

102424K

## Общая характеристика работы

Диссертация посвящена исследованию поэтического языка карельских причитаний. В современной фольклористике проблемы фольклорной поэтики приобретают особую актуальность, поскольку всестороннее понимание специфики жанров, типологии фольклорных явлений, генезиса и путей развития устной поэзии невозможно без всестороннего анализа художественных средств и форм фольклора, их исторической специфики.

Несомненную актуальность представляет изучение художественно-изобразительных средств таких древних жанров устно-поэтического наследия различных народов как причитания. Этот жанр в целом привлекает все больший интерес ученых, являясь одним из видов поэзии, функционировавшей только в обряде, и находится на грани исчезновения. Причеть могла сохранить отдельные проявления реликтовых форм не только языка, но и обрядов.

Поэтический язык карельских причитаний — во многих отношениях явление уникальное — впервые становится объектом изучения. Среди многих особенностей художественных средств плачей в качестве предмета исследования выделена система метафорических замен (МЗ), составляющая основной специфический признак поэтики жанра. Метафорические замены представляют собой образные иносказательные выражения, основное назначение которых в плаче — замена привычных для повседневной речи терминов родства и названий неродственных лиц. Каждый термин имеет свой круг замен, применение которых является обязательным условием при создании причети. Это придает особую загадочность языку жанра. Вопросы генезиса, истоков этой иносказательности плачей до конца еще не раскрыты. Аналогичное явление наблюдается и в плачах ряда народов прибалтийско-финской языковой группы (ижора, води, отчасти вепсов). Последующее сравнительно-типологическое изучение системы МЗ в плачах родственных народов, возможно, окажется полезным не только в выявлении истоков плачавой

традиции, но и в решении теоретических проблем более общего характера.

Цель диссертации заключается в том, чтобы выявить систему МЗ в плачах, дать полное описание этой системы, раскрыть способы образования замен, формирования в них иносказания. Автором выработаны определенные принципы систематизации МЗ, предлагается их классификация в плане семантическом и лексико-грамматическом.

В результате анализа системы МЗ дано определение объекта исследования (МЗ); установлено, что иносказательный способ обозначения распространяется на все термины родства и названия неродственных лиц, применяемые в плачах: "мать", "дети" ("дети"), "дочь", "сын", "отец", "муж", "родители", "крестная(-ный)", "женихи", "брат", "сестра", "подруги", "его" — исполнительницы и некоторые другие, независимо от того, являются ли они непосредственными объектами оплакивания или упоминаются косвенно, и независимо от вида причети (похоронная, свадебная, рекрутская, бытовая). МЗ в плачах составляют систему, отличающуюся цельностью и обладающую определенными признаками, среди которых выделяются иносказательность, образность, экспрессивность, эмоциональность, семантическая целостность.

При выполнении работы использован метод синхронного описания исследуемого материала.

Новизна результатов исследования заключается в том, что впервые на материале карельских причитаний широко и дословно полно выявлено такое своеобразное явление, как система метафорических замен, и впервые дано его системное описание, определены основные свойства и признаки этой системы. В научный оборот введен новый фактический материал, полностью отобранный самим автором отчасти из имеющихся архивных фондов, большей же частью из причитаний, записанных диссертантом в полевых условиях на протяжении последних 10-15 лет.

При анализе материала диссертант руководствовался основными теоретическими положениями советской фольклористи-

ки, рассматривающей фольклор как подлинно народное творчество со свойственной ему исторически обусловленной спецификой зарождения и бытования, со специфическими законами и особенностями фольклорной поэтики.

Полученные результаты могут быть использованы при сравнительно-типологическом изучении прибалтийско-финской традиции причети и жанра причитаний вообще; при изучении общетеоретических проблем фольклорной поэтики; при чтении вузовского курса лекций по карельскому фольклору; при составлении лингвистами диалектных словарей карельского языка, а также при изучении истории карельского языка (это относится к Приложению).

Основные положения диссертации изложены в публикациях (10 публикаций общим объемом более 4 а.л.). Кроме того, автором опубликован сборник текстов "Карельские причитания" (в соавторстве с Т.А.Коски), объемом 34 а.л., со вступительной статьей (более 2 а.л.), примечаниями к текстам (1 а.л.) и с таблицами.

Объем работы (без Приложения) 199 машинописных страниц.

Структура работы. Диссертация состоит из краткого предисловия, введения, трех глав, общего заключения и Приложения. В Приложении даются: свод метафорических замен всех рассматриваемых терминов; таблицы для иллюстрации лексического состава и различных типов синтаксических конструкций замен; тексты и таблицы для иллюстрации характера аллитерации в системе метафорических замен и в плачах в целом.

Содержание работы.

Предисловие содержит краткое обоснование темы.

Во введении рассматриваются общие проблемы специфики фольклора, специфические особенности фольклорной поэтики, излагается краткая история изучения поэтики карельских причитаний, исходя из чего формулируются цели и задачи исследования. Определяется объект исследования – метафорические замены (МЗ), их основные признаки и свойства. В связи с тем,

что в образовании МЗ заметную роль играют различные тропы и стилистические средства — метафора (метонимия, символ), эпитет, аллитерация, во введении более подробно рассматриваются фольклористические работы, касающиеся метафоры, ее истоков и развития, ее сущности и функций, а также эпитета и аллитерации.

I глава. "Классификация МЗ карельских плачей" посвящена комплексному описанию системы МЗ, которая, как было установлено, охватывает все основные термины кровного родства, часть терминов свойственного родства, а также отдельные названия неродственных лиц<sup>1</sup>.

В диссертации дается характеристика замен всех рассматриваемых терминов в отдельности. Среди общих признаков МЗ следует обратить внимание на состав компонентов. Каждая замена состоит прежде всего из опорного слова, являющегося ее центром или стержнем, а также может включать различное количество дополнительных компонентов. В зависимости от этого МЗ подразделяются на односоставные (простые), двусоставные и сложные. Внутри двух последних групп выделяются замены различных типов.

Дополнительные компоненты вносят в них уточнения, конкретизируют смысл замены, отражают различные обстоятельства: фон и место действия, события; реалии быта, обстановки и т.д. Это "описательные выражения", которые, по мнению Д.К. Зеленина, "составляют количественно главную массу подставных слов"<sup>2</sup>.

Классификация МЗ карельских плачей предпринимается впервые, поэтому возникают определенные трудности в связи

---

<sup>1</sup> Не входят в систему замен собирательные имена, обозначающие родню, родственников вообще: *omakundazet* — "родственники", ("свойственники"): *sukukuntaset* — "родственники" — "сородичи"; *heimokundazet* — "родственники" — "соплеменники".

<sup>2</sup> Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и

большой сложностью и разнообразием материала. Наша классификация включает следующие моменты: основание метафорического сходства или метафорического сдвига значений; объект плача-заменяемый термин или имя; средства выражения семантики и экспрессии МЗ; способы образования замен и их состав; при необходимости — локальные особенности<sup>1</sup>. Все замены подразделяются на два класса, исходя из того, на какой аналогии основано метафорическое сходство. Внутри этих двух классов рассматриваются МЗ каждого термина или лица отдельно, с выделением различных типов замен по смысловой нагрузке и по составу.

I класс МЗ. Метафорическое сходство основано на ассоциации по функции — в качестве намека при иносказании отмечается функциональный признак лица — объекта плача. Сближение представлений в этом типе метафор осуществляется по какому-либо одному, прямо названному действию, являющемуся постоянной функцией заменяемого лица, имени. Выражается такой признак чаще всего причастием: *imettaja* — "грудью кормящая", *kylvettämä* — "в бане выпаренный", *maipoima* — "оберегаемый" и т.д.

К этому классу относятся МЗ терминов "мать", "крестная (-ый)", "патьяшка", "повитуха", "дитя" ("дети", "дочь", "сын"), "женихи". Они различаются по характеру действия, по его направленности, обозначая либо человека, производящего определенное действие, например: *itvoja* — "взрастившая"; *kublattelija* — "купавшая, на плаву державшая", либо лицо, испытывающее на себе какое-либо действие со стороны другого лица: *itvomaiseni* — "взращенная(-ый)" и другие.

---

Северной Азии. — Сб-к музея антропологии и этнографии, т.9, Л., 1930. с. 160.

<sup>1</sup> По характеру причитывания на территории Карелии выделяется три локальные традиции — севернокарельская, среднекарельская или сегозерская и южнокарельская.

Среди МЗ этого класса наибольшая типологическая близость наблюдается в заменах терминов "мать" - "дитя". Опорное слово в них образуется от одних и тех же глагольных основ, но с различными суффиксами, с различной направленностью действия: *kantaĵa* - "выносившая", *kannettu*, *kandama* - "выношенная(-ый)". В первом случае это субъект действия - мать; во втором - объект действия - дитя. К МЗ термина "мать" по принципу образования примыкают МЗ терминов "крестная(-ый)", "повитуха", "патьяшка"; с МЗ терминов "дитя", "дети" сходны замены термина "жених", "женихи", для обозначения которых в качестве опорных слов используются одни и те же отглагольные имена. Женихи, таким образом, тоже дети, но дети чужие, из чужого рода.

В диссертации детально проанализированы типы и разновидности МЗ терминов, относящихся к первому классу - в том же порядке, в каком они перечислены (выше).

При анализе МЗ этих терминов возникает много загадок, вызванных семантической неясностью отдельных типов замен. Во-первых, это связано с тем, что семантика многих глагольных основ либо совершенно не ясна, либо только угадывается. Например: *mainomaiseni* -переводимый нами как "оберегаемый" ("береженный" -?) и некоторые другие слова, не употребляющиеся в современном карельском языке. Во-вторых, в отдельных случаях использование тех или иных лексем в качестве опорных слов кажется неприемлемым с точки зрения их современных значений. В качестве примера приведем замены термина "дитя" *sinččimaiseni*, *vuagnomaiseni* (сев.), которые мы условно переводим "рожденный". В современном языке таких глагольных основ нет, имеются только существительные *sinč-či* - "сени", *vuagna* - "сказка". Какова связь между ними и сходными отглагольными именами? Являются ли эти слова однокоренными? Каким образом они могли стать эквивалентами терминов "дитя", "дети" - нам пока не ясно.

В-третьих, семантическая неясность отдельных замен возникает в результате сочетания компонентов, значения ко-

торых с точки зрения современного языка семантически не совместимы, например: *polvin loadimazet* - буквально "коленями созданные"; *ilmoin idvomat* - "миром возвращенные". Для их уяснения нужны определенные этимологические и этнографические изыскания.

При рассмотрении МЗ терминов "мать", "дитя" создается впечатление, что отглагольные формы имени в качестве замен или "подставных" наименований являются первичными, наиболее ранними, как и сами формы имени с суффиксами -*ja*, -*jä*; -*ma*, -*mä* являются наиболее древними (Хакулинен, Бубрих). Такого типа формы имени со значением *kanta**ja*, *imetä**jä*, *luadi**ja* - "носившая" ("носящая"), "грудью кормящая", "сделавшая" ("создавшая") могли выступать как естественные, общепринятые эквиваленты понятия "мать". В них можно усматривать отдаленные отголоски древних принципов образования различных терминов родства, основу которых на индоевропейской почве составляли глагольные формы со значением деторождения (родать, происходить, вскормить грудью)<sup>1</sup>.

В диссертации отмечаются некоторые различия между отдельными традициями причитывания в области МЗ термина "мать". Для обозначения этого термина в южнокарельских плачах наряду с отглагольным опорным словом используется имя отыменное *agmo* - "милость", "ласка": *paine agmozeni* - "женщина моя милостивая". Правда, в ранних записях оно встречается в плачах всей Карелии. Кроме того, только в южнокарельской традиции в состав МЗ термина "мать" вводится компонент *paine* - "женщина" (так же как и в МЗ термина "отец" - компонент *uhoi* "мужчина").

II класс МЗ отличается тем, что образование иносказания в них основано на ассоциации представлений по сходству, по подобию, иногда по эмоции: *kohtalahini*, *vastineh* - "суженый", "супротивный"; *vartuvo*, *varrut* - "стан" (букв. "ту-

---

<sup>1</sup> См. об этом: Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959, с. 37, 50.

ловище", "талия"); *alli* - "морянка"; *hyväseni* - "мой хорошенький"; *armo* - "милость", "ласка" и т.д. К этому классу относятся МЗ терминов "отец", "родители", "братья-сестры" ("брат", "сестра"), "муж", "подруги" ("сверстники") "его" исполнительницы (невесты). Семантическое опорное слово в них выражается именами отыменными (существительными, прилагательными, реже - местоимением). Среди них встречаются и заимствованные слова, которые, по мнению Д.К. Зеленина, "представляют собой одну из разновидностей "подставных слов", выполняющих функцию иносказания"<sup>1</sup>.

МЗ, отнесенные ко II классу, охватывают большее количество терминов, куда входят термины и кровного и свойственного родства, а также названия неродственных лиц. По составу, по построению, по семантике МЗ терминов этой группы не отличаются большим разнообразием и сложностью, наиболее типичны двусоставные, состоящие из сочетания опорного слова с эпитетами положительной или отрицательной эмоциональной направленности.

При создании МЗ каждого термина используются лишь определенные имена или группы имен в качестве опорных слов. Замены некоторых терминов имеют только одно единственное имя в роли опорного слова, соответственно и количество вариантов замен для них невелико. К таким относятся замены термина "муж", "отец" и некоторые другие.

Из дополнительных компонентов для замен большинства терминов наиболее употребительными являются эпитеты, при помощи которых подчеркиваются различные достоинства и качества объекта причети.

При образовании отдельных типов замен различных терминов, входящих в этот класс, наблюдается тенденция использования уже имеющихся типов МЗ других терминов. Например, группа замен, обозначающих братьев-сестер (брата или сестру), образуется путем использования МЗ термина "мать":

*viihyttäjäizeni lapsi* - "моей /меня/ утешавшей дитя";

---

<sup>1</sup>Зеленин Д.К. Табу слов у народов..., 1930, с. 160.

kallenen kasvattajaksi lapsi - "моей дорогой /меня/ воспитавшей дитя". Наиболее распространен такой способ образования МЗ в плачах южнокарельской традиции.

В плачах всех локальных групп богато представлены МЗ "ego" плакальщицы, личность которой играет большую роль в создании плача.

Отдельным разделом представлена в диссертации группа терминов, МЗ которых являются производными или вторичными сочетаниями в себе уже имеющиеся готовые замены, обычно двух терминов. Это такие термины как "бабушка" - "мать матери" или "мать отца"; "внуки" - "дети моих детей" и т.д. Таким способом можно обозначить термин любой родственной категории и любой степени родства, если в этом возникает необходимость.

Классификация их произведена по принципу - по чьей линии обозначается родство, через кого конкретно приходится родственником обозначаемое лицо. Заметим, что в разделе в большей части анализируется севернокарельский материал, так как в плачах других регионов примеров обнаружено мало.

При общности принципов образования МЗ различных терминов в причитаниях всей Карелии, наблюдаются и определенные локальные различия, которые отмечаются в диссертации при анализе МЗ отдельных терминов. Локальные различия могут проявляться в составе и содержании МЗ. Например, наибольшей сложностью состава и разнообразием содержания отличаются МЗ термина "мать" в плачах Северной и Средней Карелии; в южнокарельских они менее распространены, однотипны по содержанию. В отдельных случаях эти различия сказываются в наличии или отсутствии МЗ тех или иных терминов (например, МЗ терминов "патьяшка" и "повитуха" обнаружены только в плачах из Северной Карелии). Наконец, имеются различия в эмоциональной и экспрессивной насыщенности замен (в этом отношении показательны МЗ термина "зенихи" в различных традициях).

Анализ МЗ всех терминов родства и названий неродственных лиц убедительно подтверждает тезис о всеобъемлющем ха-

ктере иносказания в карельских плачах, что привело к образованию стройной и весьма развитой системы замен. Эта система отличается целостностью, имеет свои закономерности, свои принципы образования и определенный традицией семантический объем.

В диссертации неоднократно обращается внимание на эпитеты, входящие в состав различных МЗ. Вопрос об эпитете интересен во многих отношениях, так как эпитет является одним из важных поэтических тропов, который ставится исследователями в ряд основных в системе поэтики фольклора, отчасти определяющих жанровую специфику.

Эпитеты карельских плачей отличаются своеобразием функций в составе МЗ, для многих это обязательные компоненты, являющиеся средством внутренней организации замен, выразителем эмоций и оценки. Его невозможно опустить, не нарушив при этом общую структуру МЗ. Обнаружены эпитеты двух видов: 1. нетропеические или однопланные и 2. тропеические или двупланные. Первые подразделяются на эмоционально-качественные положительного и отрицательного значения; среди вторых выделен лишь метафорический эпитет. В результате анализа выявлена структуроорганизующая, эмоциональная и экспрессивная роль эпитетов в составе МЗ. Носителями традиции они используются с большим мастерством.

II глава диссертации "Лексико-грамматическая структура МЗ" является первым опытом лингвистической классификации МЗ карельских плачей. Такая классификация представляется вполне обоснованной и в определенном смысле необходимой при систематизации отдельных явлений поэтического языка древних жанров фольклора.

Значение и важность лингвистического аспекта в исследовании поэтической речи неоднократно подчеркивались многими учеными.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> См. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 6, 148, 186, 206; Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977, с. 28 и след.

В основу лингвистической классификации МЗ положены следующие языковые признаки: принадлежность (1) смыслового опорного слова и (2) обязательных компонентов МЗ к определенному лексико-грамматическому классу, (3) наличие и роль отдельных грамматических категорий в создании МЗ, (4) количественный состав и различные типы соотношения лексических связей обязательных компонентов внутри МЗ.

По признаку принадлежности опорного слова к определенному классу имен МЗ подразделяются на два основных класса: МЗ с именем отглагольным; МЗ с именем отыменным.

Отглагольные имена или имена действия в карельском языке являются широко распространенной категорией имен, первоначально обозначающих "действие в его конкретном действительном и предметном содержании (отнюдь не действие в абстракции)"<sup>1</sup>.

В плачах они используются в качестве опорных слов МЗ нескольких терминов.

1. Отглагольные имена с суффиксом - ja, -jä, образованные от личных глаголов, обозначают имя действующего или субъекта действия.

2. Отглагольные имена с суффиксом -ttu, -tty, имеющие форму II партиципа (причастия).

3. Отглагольные имена с суффиксом -та, -tä, форма III инфинитива в пассиве. Две последние группы обозначают объект действия.

Наряду с отглагольными в качестве опорных слов МЗ используются имена отыменные.

1. Среди них наиболее часто встречаются имена существительные, по тематической принадлежности охватывающие широкий круг названий из самых различных областей:

- а. животного мира (alli, kana, zogaа - морянка, курица, утка);
- б. природных явлений (räiva - солнце, день);
- в. частей человеческого тела, организма (varrut - стан);

---

<sup>1</sup> Бубрих Д.В. Историческая грамматика финского языка.

г. наименование самого человека (uroi, lapsi - мужчина, дитя);

д. реже - названия абстрактных понятий (armo - милость)

е. заимствованные из русского языка прямые названия лиц (podruška, mama, tata);

ж. иногда имя собственное (в МЗ "ego").

2. Имена прилагательные встречаются реже: huvä - "хороший" (отец, муж); в финнокарельских для обозначения детей: aghahane - "мой милый", "ego" - atkalane - "печальная".

3. Из разряда местоимений используется лишь iče "сама".

Что касается в целом лексического состава МЗ (исключая односоставные, состоящие из одного опорного слова), то здесь обнаруживаются следующие классы слов: самые распространенные среди них - имена существительные, которые в большинстве случаев выступают с суффиксами (притяжательными и уменьшительно-ласкательными). Имена существительные выступают не только для обозначения предмета, явления, понятия, но и в качестве атрибутива, отражая древний способ определения предмета: imrimarja - "девица-ягода", suarvanimi - "звезда-ими", kujokana - "проулок-курица" и т.д.

Широко распространены в составе МЗ и имена прилагательные в роли определений-эпитета. За редким исключением, используются только качественные прилагательные, указывающие на существенный признак предмета или подчеркивающие идеальный, желаемый признак, и в этом случае применяются относительные прилагательные в значении качественных: kullani kikko kuvuatazeni - "золотой петушок мой /мног/ ореданный" и другие.

Имена числительные выступают в своей основной функции, обозначая количество, конкретное число лиц, предметов; и лишь в единичных случаях - их порядок.

Из грамматических категорий определенный интерес представляет категория числа, так как для плачей является характерным употребление множественного числа вместо ожидаемого единственного.

В разделе "Лексика" затронуты некоторые аспекты лексического состава МЗ: рассматриваются слова, утратившие смысл, и заимствованная лексика. К первому разряду относится больше всего прилагательных, часть отглагольных имен и имен существительных. Заимствованная лексика включает слова из области церковной атрибутики, связанной с обрядом крещения, они характерны для всех локальных традиций.

В разделе II главы "Синтаксическая структура МЗ" рассматриваются МЗ с точки зрения их состава и типов синтаксических связей между дополнительными компонентами и грамматическим опорным словом внутри сложных МЗ. Попутно затрагиваются и вопросы морфологического характера, в первую очередь — категория падежа, заключающая в себе и морфологические и синтаксические признаки.<sup>1</sup> Синтаксический анализ МЗ позволяет выявить, как выражается то или иное семантическое содержание.

По составу выделяется три группы замен: простые или односоставные, двусоставные и сложные. Двусоставные состоят из опорного слова и дополнительного компонента, обычно определения, выраженного прилагательным или именем существительным в различных падежных формах, чаще всего, в форме генитива. Таким образом, наиболее распространенными типами среди двусоставных являются (1) сочетания прилагательного и (2) сочетания имени в генитиве с семантическим опорным словом. Имеется небольшая группа словосочетаний с падежной формой инструктива, вышедшей из употребления в современном языке.

Сложные МЗ, состоящие из трех и более компонентов, от-

---

<sup>1</sup> Все разновидности различных типов в МЗ даны в таблицах, помещенных в Приложении.

несены в разряд сложных синтаксических конструкций, количество которых велико во всех локальных традициях. За основу классификации принят следующий принцип – в каких синтаксических отношениях опорное слово находится с дополняющими его компонентами, которые, как правило, представляют собой определительное словосочетание. Все МЗ сложных конструкций разделены на соответствующие разновидности и типы:

1. Трехчленные конструкции, среди которых самыми распространенными являются генитивные конструкции, выражающие отношения принадлежности, количества, объекта действия, отрицания.

2. Многочленные конструкции отличаются большей сложностью как самих определительных словосочетаний, так и соотношений отдельных компонентов. Они разделяются на десять типов, внутри них – на подтипы. Здесь обращает на себя внимание исключительное многообразие генитивных конструкций. Они являются самыми многочисленными во всей системе МЗ (включая двусоставные). Часто в состав генитивных сочетаний вводятся имена в форме внутренне-местных (инессив, элатив, иллатив) и внешне-местных (адессив-аллатив и аблатив) падежей. Они, как правило, выражают обстоятельства места.

Каждый тип сложной МЗ имеет множество вариантов, которые создаются путем замены отдельных компонентов равноценными, синонимичными. Замена компонентов может быть вызвана изменением аллитерации контекста, в целях выражения определенных эмоций, усиления экспрессии и т.д. В создании вариантов МЗ определенную роль играет личность плакальщицы, степень ее мастерства.

Имеются определенные локальные различия в распространенности отдельных типов сложных конструкций: в плачах южно-карельской традиции преобладают генитивные конструкции; внутренне-местные падежи чаще встречаются в плачах из Северной и Средней Карелии.

III глава диссертации "Аллитерация в системе МЗ" посвящена рассмотрению аллитерации в системе МЗ (отчасти в языке).

роли аллитерации в составе замен, взаимозависимости от аллитерации контекста. Определяются ее плотность, насыщенность, протяженность и частотность.

Анализ проводится по каждой локальной традиции отдельно, что диктуется различиями в области метафорического строя плачей, различными критериями членения текста, чем, в свою очередь, определяется выбор единицы текста, в рамках которой представлялось бы закономерным исследование аллитерации. Для плачей Средней и Южной Карелии за такую единицу принято грамматическое предложение, представляющее собой интонационно и смысловое целое, обладающее, кроме того, единой аллитерацией. Для севернокарельской традиции такой принцип деления текста не приемлем, так как отдельно взятое предложение, как таковое, в них чаще всего не является законченной ритмико-синтаксической единицей текста. В качестве единицы членения текста, внутри которой правомерно определение аллитерации, наиболее подходит период<sup>1</sup>. Это сложное синтаксическое построение, которое включает в себе несколько смысловых комплексов, составляющих единое ритмическое, интонационно-мелодическое и смысловое целое. Период, как правило, характеризуется и единством аллитерации, которая меняется в каждом последующем периоде.

В разделе III главы "Севернокарельская традиция" на примере анализируемых текстов отмечается, что плотность аллитерации в среднем составляет 1:2 (то есть каждое второе слово начинается с созвучных звуков), частотность высокая — из 37 слов аллитерируют 24, из 47 — 26, из 36 — 18 и т.д.; протяженность аллитерационной цепочки от 18 до 26 слов.

Для того, чтобы добиться отмеченной плотности и насыщенности аллитерации, плакальщицы пользуются выработанной

---

<sup>1</sup> См. Карельские причитания. Петрозаводск, 1976, где членение текстов при публикации произведено на периоды. На данной стадии изучения плачей это наиболее приемлемый способ членения севернокарельских плачей.

в течении веков техникой сложения плачей, в которой как бы предусмотрено и соблюдение аллитерации. Существуют определенные комплексы взаимосвязанных, взаимообусловленных образных средств, но таких комплексов множество, и для того, чтобы умело ими пользоваться, их надо усвоить. Несколько облегчает задачу регулирования аллитерации возможность повтора: во-первых, использование однокоренных слов с различными суффиксами (silma, silmittäyvyt, silmivetyset), во-вторых, неоднократное повторение одного и того же слова-вставки (äivun, tuppun и др.).

Аллитерация играет определяющую роль и при отборе варьирующих компонентов внутри МЗ, особенно в сложных синтаксических конструкциях.

В разделе "Среднекарельская или сегозерская традиция" анализируются тексты названного ареала. В них за единицу членения текста для определения характера аллитерации принято предложение, которое распадается на 2-3 стихотворные строки (текст в целом подразделяется на стихи, не имеющие размера, количество слогов колеблется от 9—11 до 20—22). Характер основных показателей аллитерации выглядит следующим образом: плотность в среднем 1:1,8; протяженность аллитерационной цепочки от 2 слов (из общего количества 3—5), преобладает цепочка из 5—6 слов (при общем их количестве в единице текста 6—9); частотность колеблется от 2—3 до 5—6 слов.

Одним из средств достижения аллитерации в отличие от северно-карельской традиции является использование заимствованной русской лексики.

Итнокарельская традиция отличается уже более явно выраженной построчной организацией стиха, но размер в нем также отсутствует, длина строки колеблется от 10 до 16 слогов, бывает и 20—22 слога. Аллитерация соблюдается внутри предложения, но не более чем на протяжении двух, редко трех строк. Чаще же она меняется построчно. Плотность аллитерации определяется как 1:2,2; протяженность аллитерационной цепочки от 2 до 4 слов; частотность аллитерации составляет

2-3, реже 4-5 единиц.

Во всех локальных традициях строго соблюдается аллитерация внутри МЗ, где она является организующим элементом, особенно в заменах сложной конструкции. Чаще всего аллитерацию в них определяет опорное слово замены, в соответствии с ним подбираются дополнительные компоненты.

Результаты исследования и некоторые его дальнейшие перспективы изложены в заключении в виде общих выводов.

1. В ходе исследования системы МЗ на первый план выступает вопрос о генезисе явления заменяемости. Чем вызвано применение иносказательных выражений вместо обычных, прямых имен? В чем его истоки? Каков путь развития? Одной из самых вероятных причин иносказаний считается табу или запрет на имя, имевший в древности широкое распространение. Но только ли в нем кроются истоки МЗ карельских плачей? Определенного, однозначного ответа на этот вопрос современная наука еще не дала. Его невозможно решить лишь исследуя саму систему МЗ, тем более, что мы не имеем текстов плачей предшествующих эпох (это общее положение касается не только плачей, но и большинства фольклорных жанров). Для того чтобы решать вопросы генезиса такого явления, как замена прямых названий "подставными", иносказательными, нужны серьезные исследования с разносторонними изысканиями в области смежных наук — этнографии, лингвистики, в области истории терминов родства народов всей прибалтийско-финской группы, в плачах которых также обнаруживается система замен, и, возможно, их ближайших соседей — финно-угров и балто-славянских народов.

2. При изучении системы МЗ выявляется, что замены различных терминов и названий лиц возникли в разное время: явно выделяется пласт более ранних или древних замен, к которым мы относим МЗ терминов "мать" — "дитя" ("дети", "дочь", "сын"), поскольку кровнородственная связь мать-дитя является наиболее ранней, первичной осознанной родственной связью

---

См. об этом: Конкка У.С. Табу слов и закон иносказания в карельских плачах. — В кн.: Проблемы фольклора. М., 1975, с. 170-178.

Предположительно, они были и первоначальными объектами оплакивания.

Доказательством первичности МЗ терминов "мать" — "дитя" следует считать способ метафоризации в них, основывающийся на ассоциации по функции, по характеру выполняемого данным лицом конкретного действия, то есть определение лица по функциональному признаку. Грамматически этот признак выражается отглагольными (деверсальными) именами с суффиксами -ja, -jā; -ma, -mā; -ttu, -tty, обозначающими "действателя" (то есть лицо, совершающее действие), либо объект действия, на который направлено действие со стороны другого лица. Эти формы считаются древнейшими формами имени.

Не исключено, что и семантически такие имена представляют собой древние образования.

Только в группе МЗ терминов "мать" — "дитя" обнаружены сочетания смыслового опорного слова, выраженного отглагольным именем с отменным именем в падежной форме инструктива, который в современном языке уже не бытует. Семантика таких двухкомпонентных замен терминов "мать" и "дитя" затемнена и остается не до конца разгаданной.

Возникшими позднее можно считать МЗ терминов "отец", "муж", получивших определенный статус (отца, мужа) значительно позже, чем мать. Несомненно, что и МЗ всех имеющихся в плачах имен возникали в разные периоды по мере развития и совершенствования традиции причети, и были вызваны к жизни различными обстоятельствами. Об этом говорит и наличие группы так называемых МЗ вторичного образования или производных, созданных с использованием уже имеющихся замен. Определение "возраста" МЗ различных терминов не входило в задачи исследования, но при анализе отдельных групп МЗ вопрос возникал невольно, так как в заменах многих терминов родства и названий отдельных лиц прослеживаются реликтовые явления ранних форм бытия и мышления.

3. При комплектовании МЗ основное место в ней принадлежит метафоре, совмещающей наряду с функцией иносказания и эмоционально-оценочную и экспрессивную функцию.

Важную роль в составе МЗ занимает эпитет, являющийся выразителем эмоционально-оценочной и экспрессивной функции. В системе МЗ насчитывается большое количество эпитетов различной эмоциональной направленности. Эпитеты характеризуют не только метафору, составляющую основу МЗ, но и дополнительные компоненты. Среди эпитетов много неясных, не употребляющихся в современном языке, утративших свое первоначальное значение, что также указывает на их древность.

Широко распространены в системе МЗ суффиксы - уменьшительно-ласкательные, притяжательные, - усиливающие эмоциональную направленность и экспрессивность замен.

Нейтральная лексика, которая также используется при создании замен, вносит в метафорическое, иносказательное выражение элемент реальности, помогая раскрытию иносказания, заключенной в нем загадочности.

4. Характерную черту поэтики карельских плачей, как и в целом поэтики фольклора, составляет символика, использование образов из области животного и растительного мира. В системе МЗ плачей особенно популярны образы птиц и животных, символизирующие девушку, дочь-невесту и сына, юношу, а также вообще детей, брата, сестру, в основном, неженатых и незамужних. Вопрос о символе, о символике в целом в работе освещен частично, так как символика свойственна не только системе МЗ, но является одной из ведущих особенностей поэтического языка причети, и, как поэтическая категория, требует комплексного изучения.

Одним из интереснейших является вопрос о мотивировке, о существовании тех или иных аналогий между символом и обозначаемым им предметом. Очень важно проследить, чем вызвано использование образа именно данного животного, птицы, растения в качестве символа девушки-невесты или маленькой девочки-дочери. Анализ подтверждает мысль о том, что немотивированных образов в фольклоре, в нашем случае - в плачах, нет, каждый образ несет в себе какие-то задатки, признаки обозначаемого лица, предмета.

5. В связи с вопросами комплектования МЗ в диссертации рассмотрен вопрос о роли исполнительницы, плачей в их создании. Отмечается, что сложность, поэтичность, эмоциональность, экспрессивность и другие качества МЗ в большей мере зависят от мастерства плакальщицы, от ее импровизаторского дарования, от знания традиции причитывания, законов архитектоники плачей и других факторов. Наиболее талантливые исполнители по подобию уже существующих типов создают МЗ других терминов. Кроме того, в плачах известных плакальщиц случаи дешифровки замен исключены, что нередко случается с начинающими исполнителями, слабо освоившими традицию, не обладавшими даром импровизации. Но в любом случае свобода при создании МЗ относительна, принципы варьирования компонентов, сочетания их внутри МЗ допустимы лишь в пределах, определенных традицией. От плакальщицы зависит, применяет ли она односоставные или только сложные замены, но схематически и семантически все типы применяемых ею замен определены традицией, и исполнительницы в своем творчестве за пределы традиционно установившихся типов МЗ не выходят: все типы замен семантически и схематически устойчивы. Изменения могут касаться лишь большей или меньшей распространенности, усложненности определенного типа МЗ, путем введения в ее состав дополнительного эпитета или какого-либо другого компонента, но лишь в качестве однородного к уже имеющемуся компоненту.

6. В современных записях плачей иногда наблюдается дешифровка МЗ — замена-иносказание подменяется прямым названием лица, имени, или же в состав МЗ вводится сам заменяемый термин. Такие явления чаще наблюдаются в плачах Средней и Южной Карелии. Севернoкарельская традиция строже соблюдает принцип иносказания.

Подобную дешифровку МЗ мы склонны квалифицировать как один из признаков разрушения традиции причитывания в целом, ибо причет как жанр уходит в прошлое, исчезает из живого быта.

При сопоставлении современных записей с более ранними случаями дешифровки в последних не обнаружено.

7. Лингвистический аспект в изучении фольклорной поэтики еще не нашел широкого применения, хотя значение его в решении многих проблем велико. Лексико-грамматическая структура МЗ имеет свои строгие закономерности, обладает устойчивостью, допуская заменяемость компонентов лишь синонимичными, в пределах тех же грамматических категорий. Самой многочисленной является группа синтаксически сложных метафорических конструкций с различного рода причастными и сравнительными оборотами, в сочетании с внутренне и внешне-местными падежами. Обнаруживается древняя падежная форма инструктива, в современном языке не бытующая; в большом количестве встречаются атрибутивные словосочетания типа имя + имя, из которых первое служит определением, второе определяемым. Таким образом, лингвистический анализ позволяет выявить в поэтическом языке причеты архаичные формы имен, вышедшие из общего употребления.

8. В этой связи обратим внимание еще на один вопрос, также оставшийся не до конца решенным в нашем исследовании, — о явлении паратаксиса в качестве одного из способов создания замен. На первый взгляд, отдельные типы МЗ можно классифицировать как паратактические — с соположением двух отглагольных имен, но при более тщательном анализе выявляется связь подчинительная — первый компонент является определением, присоединяющим причастный оборот к смысловому опорному слову.

Менее ясными представляются случаи сочетания отыменного имени с отглагольным — опорным словом МЗ — типа *paine kandaĵa* — "женщина выносившая". Мы их не относим к типу паратактических, считая отглагольное имя *kandaĵa* смысловым опорным словом, а компонент *paine* определяющим или уточняющим его, грамматически — определением-приложением. Отнесение этого типа МЗ, встречающихся в общей системе замен довольно часто, к паратактическим мы оставляем под вопросом.

9. Анализ аллитерации в системе МЗ приводит к мысли об определяющей ее роли в плачах. Неукоснительно соблюдается аллитерация внутри самой структуры МЗ, совпадая с алли-

терацией контекста. Она играет роль организатора текста, ограничивая и предопределяя выбор тех или иных функционально и семантически равнозначных, но фонетически различных лексических единиц. Значительна роль аллитерации как эфонической фигуры, с помощью которой достигается благосвучие, мелодичность текста. В плачах аллитерация служит и средством сегментации текста, что имеет существенное значение при отсутствии метрического деления плачей на строфы и при невыделенности стиха.

Исследование вопросов поэтики карельских плачей, такой специфической его особенности, как система МЗ, закономерно выводит нас к ряду других проблем, связанных, в частности, с вопросами генезиса жанра, истоков иносказательности языка, являющихся важными для изучения поэтики фольклора в целом.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. О метафорических заменах терминов родства в северно-карельских причитаниях. — В сб.: Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1969, с. 126-131. 0,35 а.л.

2. О метафорических заменах терминов родства в северно-карельских причитаниях. — В кн.: Вопросы финно-угроведения. Вып. У. Йошкар-Ола, 1970. с. 249-252. 0,5 а.л.

3. О некоторых вопросах поэтики карельской обрядовой лирики. — В сб.: Научная конференция по истории и литературе Советской Карелии, посвященная 100-летию со дня рождения В.И.Ленина и 50-летию Карельской АССР. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1970, с. 106-109. 0,25 а.л.

4. О современном состоянии карельских причитаний. — В кн.: Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972, с. 203-209. 0,5 а.л.

5. О некоторых локальных различиях в области поэтического языка карельских причитаний. — В сб.: Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР. Саранск, 1972, с. 54-56. 0,25 а.л.

6. Метафорические замены термина "жених" в карельских причитаниях. - В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 230-235. 0,5 а.л.

7. Карельские причитания. [Сборник текстов (в соавторстве с Т.А.Коски)]. Петрозаводск, 1976. 34 а.л. (в том числе: вступительная статья 2,3 а.л.; примечания - I а.л.).

8. О жанровой специфике поэтики карельских причитаний. - В сб.: Материалы конференции по проблемам музыкального фольклора русского и финно-угорского народов Карелии и земель Северо-запада (Тезисы). Москва, 1977, с. 46. 0,25 а.л.

9. Метафорические замены терминов родства в причитаниях прибалтийско-финских народов. - В кн.: Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978, с. 94-108. I а.л.

10. Основные особенности композиции карельских плачей. - В сб.: Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979, с. 151-153. 0,25 а.л.

11. Сравнительное изучение причитаний прибалтийско-финских народов. - В кн.: Вопросы финно-угроведения (тезисы докладов). Сыктывкар, 1979, с. 120. 0,25 а.л.

12. Эпитет в составе метафорических замен карельских причитаний. I а.л. (принята к печати).